

Вячеслав Вячеславович
Денисов

АНГЕЛ, ЖАЖДУЩИЙ КРОВИ

криминальный детектив

Вячеслав Вячеславович Денисов

Ангел, жаждущий крови.

Криминальный детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18913572

ISBN 9785447485580

Аннотация

Анатолий Шавров, сын крупного мурманского бизнесмена, погибшего при весьма странных обстоятельствах, заподозрил в его смерти свою мачеху, экстравагантную и весьма привлекательную женщину. Он продумал гениальный план мщения и даже совершил ряд идеальных убийств, но в итоге всего лишь слепо выполнял чужую волю и был использован в качестве гуттаперчевой куклы. Да ещё бы ладно, оказался он под влиянием какого-либо мужчины, а то ведь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	54
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ангел, жаждущий крови Криминальный детектив

**Вячеслав
Вячеславович Денисов**

© Вячеслав Вячеславович Денисов, 2018

ISBN 978-5-4474-8558-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Что бы там не говорили, а я всё ж таки непревзойдённый актёр, который однажды успешно сыграл роль шизофреника и добровольно остался в этом образе на долгие годы. Возможно, в зависимости от неблагоприятных обстоятельств, мне предстоит пробыть в этом драматическом амплуа всю оставшуюся сознательную жизнь. Фиктивное психическое расстройство не только огородило меня от военного трибунала, но и позволило в дальнейшем безнаказанно совершить новые злодеяния, основанные на трёх пороках, где неотъемлемой частью становится убийство другого человека, воровство с целью наживы и прелюбодеяние, порождённое неуёмной тягой к ублажению развратной похоти. Как бы там ни было, но никто и никогда не сможет заподозрить меня в том, что я способен спланировать и осуществить ряд жестоких преступлений. Более того, я не только смогу безнаказанно уйти от справедливого возмездия, но и всю вину за произошедшее кровавое месиво сумею переложить на кого-либо из абсолютно невинных людей, якобы поступивших подобным образом по причине временного буйного помешательства. Даже самому опытному следователю не удастся вывести меня на чистую воду. Со мной очень трудно разговаривать. Я могу беспричинно и чересчур убедительно засмеяться или внезапно и безутешно за-

рыдать. Я могу в любой момент изобразить отчуждённое выражение лица, и при этом беспорядочно размахивать руками или же на продолжительное время замереть в какой-либо странной позе, делая свои видимые эмоции совершенно неадекватными. Я способен сбить с толку любого профессионала судебно-психической экспертизы, непосредственно занимающегося изучением моей умственной неполноценности, которой зачастую прикрываются те или иные опасные уголовные элементы. А что относительно следователя Филимонова, для солидности представившегося мне Валерием Яковлевичем, так этот сморчок вообще не представлял для меня ни малейшей угрозы. Он не столько раздражал меня несусветной недалёковидностью, как вызывал в моей душе неадекватные эмоции, вызванные откровенной тупостью, выраженной его совершеннейшей некомпетентностью. При этом я ничуть не сомневался, что он был не робкого десятка. Его основная ошибка заключалась в том, что Валерий Яковлевич не совсем понимал, с кем имеет дело. Он был свято уверен, что спонтанными глупыми вопросами сможет загнать меня в тупик, не подозревая о том, что я способен заранее предугадать ход его недалёковидных мыслей, манипулируя которыми, смогу не только контролировать все его дальнейшие действия, но и пустить их, словно журчащие осенние ручейки, в нужном для меня направлении.

– Мне искренне жаль тебя, Анатолий Шавров! – сказал он, небрежно обтерев рукавом пиджака покрытый испари-

ной лоб. – Ведь ты, практически, мой ровесник. Молодой, тридцатилетний мужчина, с трясущейся головой, выпученными глазами, не выражающими никакой мысли, сидишь передо мной на стуле и словно окаменевшее изваяние, тупо уставился в потолок...

Он ослабил галстук и, мельком взглянув на часы, глубоко вздохнул. Время, которое совершенно впустую и без всякой пользы он потратил на меня, наверняка показалось ему вечностью.

Впрочем, Филимонов мог злиться лишь на самого себя. Каждый день газеты сообщали о бесконечной и нарастающей вакханалии уголовных преступлений. Хватало и диких, бессмысленных убийств, объяснить которые можно разве что расстроенной психикой, а так же злоупотреблением наркотическими средствами, психотропными веществами или их прекурсорами. Жуткое преступление, в котором обвиняли моего бывшего друга Григория Васильева, не было бы из ряда вон выходящим, если бы перед тем, как свести счёты с жизнью, он ограничился разmozжённой головой своей законной супруги. Но, вдобавок ко всему, он не только поджёг собственную квартиру и приоткрыл газовую конфорку, так ещё и преднамеренно оставил в детской кроватке их полугодовалую дочь Мариночку, обрекая её на тяжёлую мученическую смерть.

– Ещё вчера, я был намерен закрыть это дело. Бесспорно, так бы и поступил, – словно извиняясь, проговорил Фили-

монов. – Но старик Васильев, отец убийцы, которого ты наверняка хорошо знаешь, поскольку с детства дружил с его сыном...

Разумеется, я не только отлично знал Леонида Прокопьевича, но и терпеть не мог его занудные нравоучения. Он постоянно был заиклен на одной и той же теме. Кажется, его ничто не интересовало до такой степени, как неодолимое стремление достичь вершины познания в кропотливом изучении основного смысла жизни. Возможно, именно поэтому я невзлюбил его с первой минуты нашего знакомства, испытывая чувство неприязни, которое сохранилось у меня до сих пор. Невзирая на различия взглядов, мы оба ни разу не произнесли, ни единого грубого слова, но всегда относились друг к другу с некоторой настороженностью.

– Этот высоченный бугай, которого хорошей дубиной не перешибёшь, не только несносный горлопан и сквернослов, но при этом ещё и заслуженный ветеран Афганской войны, активист ряда общественных организаций, – ничуть не смущаясь моего безучастного поведения, продолжил Филимонов и в заключение продолжительного монолога не менее возбуждённо изрёк: – Васильев – старший, не столько уговорил, как вынудил меня провести повторное расследование.

Валерий Яковлевич пристально посмотрел в мои глаза, затем терпеливо продолжил:

– Конечно, сначала я пытался объяснить этому упёртому

старику, что он напрасно обивает порог прокуратуры и прочих высших организаций. Преступление, совершённое его сыном, полностью доказано...

В этот момент, я почему-то подумал о том, что мне придётся ещё очень долго ожидать, когда же закончится вводная часть и Филимонов соизволит раскрыть основную причину моего вызова в следственный отдел.

– Гораздо позже, когда Васильев – старший непривычно поникшим голосом стал взывать к отцовским чувствам, именно тогда я впервые усомнился в правильности поспешного решения, – констатировал Валерий Яковлевич.

Он выдержал непродолжительную паузу, но не вызвав у меня ни малейшего интереса к его словам, настойчиво продолжил:

– Вполне допускаю, что Григорий Леонидович, в пылу гнева, неожиданно нанёс Светлане Олеговне смертельный удар. Однако он вряд ли не понимал, что устраивая поджог квартиры, обрекает ни в чём не повинного ребёнка на мучительную смерть. К тому же, те аргументы, которыми апеллировал его отец, под тяжестью невыносимого горя доведённый до отчаяния, бесспорно, имели место, и с ними трудно было не согласиться.

Валерий Яковлевич окинул меня таким взглядом, словно я занял у него миллион долларов и не собирался возвращать.

– Ты, Анатолий, мог совершенно случайно оказаться свидетелем преступления, – задумчиво произнёс он. – Теперь

только ты один можешь пролить свет на это тёмное запутанное дело. Вот почему я так терпеливо выслушивал все твои бредни и сдерживал себя всякий раз, когда возникало дикое желание схватить тебя за шиворот и вышвырнуть вон из моего кабинета.

Филимонов поднялся из-за стола, подошёл ко мне. Он ещё раз заглянул в мои глаза, но, наверняка не обнаружив в них ни тени любопытства или сочувствия, озадаченно махнул рукой.

– У меня нет к тебе никаких претензий, – уставшим голосом, в который раз повторил Валерий Яковлевич. – Я и без тебя знаю, что твой дружок, находясь в нетрезвом состоянии, убил собственную супругу...

Почему-то мне показалось, что Филимонов специально тянул время. Вероятно, подобным образом он пытался вынудить меня допустить какую-нибудь серьёзную оплошность. В этом случае, он явно недооценивал мои умственные и артистические способности. Он наивно верил, что я могу расслабиться и на мгновение забыть о главной роли, где согласно сценарию, обязан постоянно изображать из себя умственно-отсталого человека.

– Я, хотел с тобой немного пооткровенничать, не особо рассчитывая, что от нашей встречи будет какая-то осязаемая польза, – добродушно признался Филимонов. – В глубине души всё ж таки подспудно надеялся, что ты поможешь мне разобраться в этой запутанной ситуации...

Он натянуто улыбнулся. В уголках его пронизательных глаз появились мелкие морщинки.

– Теперь я вынужден признать тот факт, что мои надежды на твою помощь были напрасны, – огорчённо произнёс он. – Ты, к сожалению, действительно умственно отсталый больной человек. Вокруг себя ничего не видишь и не слышишь, словно закоренелый наркоман, впавший в протрацию.

Валерий Яковлевич вновь грузно опустился в кресло и, облокотившись о рабочий стол, всё тем же уставшим, но сдержанным голосом спросил:

– Ведь ты, Анатолий, не станешь отрицать тот факт, что накануне разыгравшейся трагедии был у Григория Васильева и пропустил с ним пару стаканчиков водки?

– Угу-у-у... – протяжно пробурчал я, не отрывая заворожённого взгляда от потолка.

«И что я вожусь с этим недоумком?» – наверняка подумал Филимонов, но вслух деликатно попросил:

– Анатолий, пожалуйста, помоги мне разобраться вот в чём...

– Всё равно упадёт! – не разжимая челюсти, пробурчал я.

– Кто? – не понял Валерий Яковлевич.

– Вон... – коротко ответил я, и медленным движением руки указал на потолок, где кверху лапками ползал небольшой паук, имеющий желтоватую окраску тела смешанную с бурыми пятнами.

– Зачем я тебя вызвал? – начиная терять всякое самообла-

дание, вспылал Филимонов, но тут же снисходительно продолжил: – Понимаешь, Анатолий, там ребёнок погиб. Я бы хотел с твоей помощью...

– Полтора месяца... – отрешённым голосом, сказал я.

– Кому? – недоумённо спросил Филимонов.

– Гришкиной дочке!

– А... Мариночке? – понял он. – Да, полтора месяца ей было. Ещё и жизни-то не видела...

– Красивая, – промямлил я.

– Дети все красивые.

– Светлана!

– Какая Светлана? Ты имеешь в виду жену Григория Васильева?

– Всё равно упадёт...

– Кто?

– Паучок...

– Да чёрт с ним, с пауком! Никуда он не денется, – огрызнулся Филимонов. – Даже если сорвётся с потолка, всё равно ничего плохого с ним не случится. Он аккуратно спустится вниз на тонкой паутинке...

Успокоившись, Валерий Яковлевич попытался продолжить допрос, тщательно завуалированный под ничего не значащее дружеское собеседование.

– Пока локализовали пожар, от Мариночки почти ничего не осталось, – заявил он, и тут же спросил: – Ты хоть это понимаешь? Маленький ребёнок, тонюсенькие хрупкие ко-

сточки и бушующее пламя...

– Костёр сгорит. Серый пепел будет... – безучастно промолвил я.

– Будет пепел, будет... – согласился Филимонов и тут же добавил: – Только другого содержания!

– У речки хорошо... – протянул я.

– У какой речки?

– Там птички поют...

– Какие ещё птички? – почти вскрикнул он.

У Филимонова определённо появилось дикое желание схватить меня за шиворот и грубо вытолкнуть из кабинета, но по долгу службы он был вынужден терпеть любые мои выходки.

– Толя, ты лучше вот что скажи... – размеренно, произнёс он. – Когда твой дружок Григорий Васильев убил жену, Мариночка ещё была жива?

Я нехотя оторвался от потолка и, вперив в него холодный, лишённый всякого смысла взгляд, уклончиво ответил:

– В кровати лежала.

– Спала, что ли?

– Не плакала...

– Может, ты видел, как Григорий Леонидович дочку порешил? – продолжал допытываться Филимонов.

– Гришка?

– Он самый, – подтвердил Валерий Яковлевич.

– Не-е-е... – протянул я. – Гришка любил Мариночку!

– Любил, говоришь? – недоверчиво спросил Филимонов.

– Светку бил... – опять отчуждённым голосом сказал я.

– Смазливая была, – подметил Валерий Яковлевич. – Фотографии видел. Не исключено, что Григорий Леонидович зачастую её ревновал.

– Не-ка...

– Что не-ка-а-а? – передразнивая меня, спросил Филимонов.

– Любил Мариночку! – уверенно заявил я.

– Значит, не убивал?

– Любил Мариночку!

– Так именно поэтому он оставил её в детской кроватке, когда поджигал квартиру? Чтобы, как цыплёнка...

– Не видел! Спать ушёл.

– Да-да... Конечно спать, – согласился Валерий Яковлевич. – Была полночь и, разумеется, ты очень сильно хотел спать...

Я непроизвольно заметил, как он нервно сжал кулаки. Не трудно было догадаться, что будь его воля, я бы давно захлебнулся собственной кровью. Неважно, что он был с виду хлипким мужичком, наверняка одним резким ударом мог выбить если не все, то половину моих зубов.

– Человека на твоих глазах убили! А ты, как ни в чём не бывало, спать завалился? Даже в полицию не сообщил... – пытаюсь пристыдить меня, укоризненно произнёс он. – Да кто ж ты такой есть, после этого? Даже подходящего слова

для тебя подобрать не могу...

Филимонов ещё раз вытер рукавом пиджака вспотевший лоб.

– Кто убил? – желая довести его до белого каления, переспросил я.

– Григорий Васильев, приятель твой, человека убил! Даже двух...

– Кого?

– Светлану Олеговну вместе с маленькой дочерью.

– Жену-у-у... – многозначительно ответил я, и снова уставился в потолок.

Паук, за которым я так долго и внимательно наблюдал, всё-таки куда-то исчез.

– Жена, по-твоему, не человек? – поинтересовался Филимонов.

– Жена-а-а... – словно откуда-то издалека, повторил я.

Поковырявшись в носу указательным пальцем правой руки, я поспешно сунул его в рот и бесцеремонно обсосал.

– Тьфу ты... Дерьмо собачье! – гневно выругался Валерий Яковлевич.

Не скрывая по отношению ко мне откровенную неприязнь, он всё же решил продолжить заведомо никчёмный разговор:

– Васильев – старший, готов дойти до главы областной администрации, лишь бы только установить истину. Он до сих пор не верит, что Григорий смог поднять руку на полтора-

месячную дочурку.

– Похоронили уже... – не уделяя особого внимания словам Филимонова, произнёс я.

– Да, похоронили! – подтвердил он.

Валерий Яковлевич более внимательно посмотрел на меня.

– Я уже действительно собирался закрыть это дело, – признался он. – Григорий Леонидович самостоятельно провёл судебное заседание, в котором одновременно был как обвиняемым, так же адвокатом, прокурором и судьёй. Несмотря на мораторий на смертную казнь, он вынес себе самый строгий вердикт. Кажется, справедливость восторжествовала! Но его дотошный отец...

Я опять начал ковыряться в носу.

– Преднамеренно или нет, не мне судить, но твой дружок сделал своего старика самым несчастнейшим человеком, – раздражённо пояснил Филимонов. – Леониду Прокопьевичу и так пришлось не сладко! Недавно похоронил супругу, мать Григория Васильева, с которой душа в душу прожил чуть более пятидесяти лет. Теперь и вовсе остался один одинёшенек на всём белом свете...

– Он меня выгнал, – словно обращаясь куда-то в пустоту, сказал я.

– Понимаю... – сухо протянул Филимонов, догадавшись, что я вновь заговорил о Григории. – Наслышан о его крутом характере. В этом ничуть не уступает родному папаше...

– Гришка, когда выпьет, злой! Страшный...

– Безусловно, ты его испугался... – согласился Валерий Яковлевич.

– Паучок упал...

– Не упал, а куда-то спрятался? В любом случае, я тебе только что объяснял, что пауки не падают, а осторожно спускаются на паутинке...

Лишь усилием воли он сдержал себя и не вlepил мне увесистую оплеуху.

– Паучок упал... – настойчиво повторил я.

– Да чёрт с ним, с пауком! – вспылil Филимонов и осуждающе произнёс: – Гришку Васильева, дружка своего пьяного испугался? Но почему-то я не обнаружил и тени страха на твоём лице, когда предъявил для опознания изуродованный труп его супруги Светланы Олеговны! Или, может быть, ты не боишься покойников?

Я меланхолично пожал плечами.

– А собственно говоря, почему ты должен их бояться? Ты же в прошлом боевой офицер! Вот только всё не решаюсь спросить...

Филимонов уже был готов задать следующий провокационный вопрос, но в это время в его кабинет вошёл молодой офицер. На его новеньких, ещё не потёртых пагонах сверкали звёздочки, подтверждающие специальное звание лейтенанта юстиции.

– Товарищ майор, к вам Маргарита Альбертовна! – доло-

жил он. Секунду подумал и добавил: – Вдова недавно погибшего крупного бизнесмена, Владимира Семёновича Шаврова...

– Согласно семейному кодексу, она официально признана мачехой нашего основного свидетеля...

Кивком головы Филимонов указал в мою сторону и тут же пояснил:

– Анатолий Шавров проходит по уголовному делу, возбуждённому в связи с гибелью семьи Васильевых...

– Мачеха, это всё же не родная мать! – скептически заявил лейтенант.

– Тем ни менее, в критической ситуации, имеет право требовать от пасынка определённую сумму на своё содержание.

Филимонов немного подумал, и добавил:

– Правда, лишь в том случае, если у неё не будет своих совершеннолетних, трудоспособных детей. Либо, по какой-то уважительной причине, она не сможет рассчитывать на их помощь. Но в данной ситуации, в связи с тем, что Анатолий Шавров, по причине слабоумия, находится под её опекой, этот закон не играет для неё существенной роли.

Лейтенант в нерешительности задержался у входной двери.

– Мне сказать, чтобы Маргарита Альбертовна немного подождала? – спросил он.

– Пусть войдёт! – решительно ответил Валерий Яковлевич. – Думаю, что она не сможет помешать ведению след-

ствия. В принципе, мы с Анатолием уже всё обговорили. К тому же, я давно хотел с ней познакомиться...

Глава 2

Я не мог не обратить внимания на тот факт, что впервые увидев Маргариту, вопреки всем ожиданиям, следовательно Филимонов был не только приятно удивлён, но и по-настоящему поражён её необычайной красотой и женским обаянием. Она вошла в его кабинет классической походкой, соблюдая идеальную линию движения, словно была готова пройти по подиуму, демонстрируя наряд современной моды. При этом её лёгкая воздушная походка не выглядела вульгарной и создавала ореол привлекательности. На её худенькие плечи был накинут стильный плащ молочного цвета с длинными рукавами и отложным воротником, полы которого были расстёгнуты, что позволяло постороннему взгляду обратить внимание на искусно подобранный брючный костюм деловой женщины. Валерий Яковлевич явно заблуждался, если приглядываясь ко мне, представлял её неуклюжей дряхлеющей тугодумкой, не только страдающей от подагры и целюлита, но и от чрезмерных амбиций, вызванных напыщенным высокомерием. Вдова моего отца, полковника Шаврова, хоть и могла считаться дамой не первой молодости, тем ни менее, действительно была чертовски обворожительной особой, со стройной тонкой фигуркой и ровными соблазнительными ножками, способными достаточно крепко держаться на высоких шпильках. Озорным, почти бесовским блеском

её лукавых аквамариновых глаз и обворожительной улыбкой, обнажившей красивые белые зубки, она не только сразу очаровала Филимонова, но и ввергла его в некоторое замешательство.

— Мы с вашим Анатолием немного побеседовали... — запинаясь почти на каждом слове, с трудом выговорил Валерий Яковлевич.

— Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский... — цинично подметила Маргарита.

— Я имел в виду себя и Толика... — поспешил оправдаться Филимонов.

— Если выражаться юридическим языком, то более правильным будет называть его Анатолием Владимировичем! — поправила она. — Насколько понимаю, здесь не кафе и у вас далеко не дружеская беседа...

— Вы конечно правы... Мы, разумеется, не друзья... Он пришёл... Вернее я вызвал...

Чем длиннее Валерий Яковлевич пытался выстроить свою речь, тем чаще путался в произношении слов и даже терял собственные мысли. Я же искоса смотрел на него, не переставая удивляться до какой степени могут отупеть серьёзные мужчины при виде хорошенькой женщины. Они, словно самцы богомола, стремятся к спариванию, совершенно не думая о том, что в конечном результате их избранницы оторвут им головы.

Так и не дождавшись официального приглашения, Мар-

гарита всё той же непринуждённой походкой, прошла вдоль стены, почти не наступая на центральную часть паркета. Она демонстративно проигнорировала ряд пошарпанных стульев, предназначенных для посетителей, и плавно опустилась в свободное кожаное кресло, которое, практически, ничем не отличалось от того, которое принадлежало хозяину этого кабинета. Красивым жестом руки она поправила спадающий локон пышных каштановых волос, затем умело щёлкнула зажигалкой и, прикурив ароматную дамскую сигарету, неторопливо произнесла приятным бархатным голосом:

– Я несколько лет была замужем за его отцом, Владимиром Семёновичем Шавровым. Это были лучшие годы моей жизни! По крайней мере, моё семейное счастье длилось до тех пор, пока судьбе не стало угодным нас разлучить.

– В наших областных газетах, а так же по местному и даже по центральному телевидению, неоднократно объявляли о его трагической гибели, – пониженным тоном, произнёс Филимонов. – К сожалению, я не был лично знаком с Владимиром Семёновичем, но слышал о нём множество лесных отзывов и ни одного, которое бы хоть как-то могло опорочить его честное имя. Пользуясь, случаем, позвольте выразить вам искреннее соболезнование по поводу безвременной кончины вашего супруга...

– Спасибо вам за сочувствие! – поникшим голосом, поблагодарила Маргарита. – Добрейшей души был человек! Никому ни в чём не отказывал. Кому советом поможет, кому

денег даст и при этом никакой расписки не потребует. Относился к людям с бескорыстной любовью. Непонятно, за какие грехи Господь его к себе призвал? А может, хорошие люди и на том свете необходимы...

– Кто знает, что там твориться? – отрешённо произнёс Валерий Яковлевич.

– Кто знает, тот ничего не расскажет!

– Наверное, там не так уж и плохо, если на протяжении ряда веков ни один человек оттуда не возвратился...

– Придёт время, и сами всё увидим!

– Что именно?

– Есть там потусторонняя жизнь или одна пустота, насквозь пропахшая холодной могильной сыростью... – философски подметила Маргарита.

Она мельком посмотрела на меня, но тут же перевела взгляд на Филимонова.

– Надеюсь, товарищ следователь, мой Анатолий не доставил вам слишком много хлопот? – как бы, между прочим, поинтересовалась Маргарита.

– Нет, что вы... – заискивающе ответил Валерий Яковлевич, – Напротив... Мы с ним очень плодотворно поработали. Правда, ему удалось скрыть от меня, что его мама такая изысканная, экстравагантная женщина...

– О-о-о! Не льстите, пожалуйста! В своё время я выглядела гораздо лучше. К тому же, я ему не родная мать, а всего лишь мачеха, – уточнила Маргарита. – Очень некрасивое

слово, неприятное на слух, но тем ни менее это правда...

– Во всяком случае... – попытался возразить Филимонов. – Не те родители, которые произвели на свет...

– А те, которые воспитали... – с некоторой грустью, добавила Маргарита.

– Но разве это не так?

– Весьма банальная истина, но всё же содержащая некоторый здравый смысл.

– Почему вы говорите об этом с такой откровенной грустью?

– Сколько у меня было потрачено сил и нервов, ради того, чтобы его вырастить, выучить и направить на правильный жизненный путь...

Маргарита на мгновение задумалась. Она закинула ногу на ногу и печальным взглядом посмотрела на Филимонова. В отличие от меня, он даже не догадывался, что это был её излюбленный конёк, с помощью которого она произвольно вынуждала собеседника слушать её с повышенным вниманием и при этом полностью соглашаться с её мнением, совершенно позабыв о собственных взглядах явно противоречащих её мировоззрению.

– А что в результате? – продолжила Маргарита, проследив за тем, чтобы её пауза не была слишком затянутой. – Неизлечимая болезнь ребёнка, которому были посвящены лучшие годы моей жизни и моё пошатнувшееся здоровье...

– Вы очень прекрасно выглядите! – поспешно сказал Фи-

ЛИМОНОВ.

На его лице отразилось живейшее участие.

– Нет-нет, товарищ следователь. После того как я узнала, что Анатолий тяжело ранен и находится в госпитале...

Маргарита вздёрнула аккуратненьким носиком и быстро заморгала ресничками.

– Я как чувствовала.... Не хотела отпускать его в армию...

– А что, была такая возможность?

– Естественно! Мой покойный муж, а его отец, в то время служил при генеральном штабе. У него были большие связи...

– Но он категорически отказался похлопотать за родного сына, – то ли спрашивая, то ли констатируя вполне естественный факт, подметил Филимонов.

Этимися словами он произвольно охарактеризовал моего отца как самого честного благородного человека. Впрочем, Валерий Яковлевич был не далёк от истины и если ошибался, то всего лишь не в значительной степени. В отличие от меня, мой родной папаша действительно имел понятие о долге, чести и совести. Он был убеждённым приверженцем коммунистической идеологии и не изменял своим строгим принципам. По крайней мере, так было до тех пор, пока на его плечах красовались офицерские погоны. Когда он начал заниматься бизнесом, причём весьма успешно, то вряд ли ему ни разу не пришлось поступиться этими принципами и не поступить вопреки собственной совести.

– Здесь, у вас в кабинете, Толечка мог наболтать что-нибудь лишнее, или наговорить всяких непристойностей. Так вы не обижайтесь, товарищ следователь. Убогонький он у меня... – нарушив ход моих мыслей, изрекла Маргарита.

Она негромко всхлипнула. На её аквамариновых глазах появились капельки прозрачных слезинок, но Маргарита не переставала смотреть на Филимонова взглядом дикой рыси осторожно выслеживающей глупого зайчонка.

– Что вы, никаких проблем... – поспешно налив в стакан кипячёной воды, возразил Филимонов. – Анатолий Владимирович, весьма задушевный человек.

– Анатолий Владимирович? – переспросила Маргарита. – Почему так официально...

Она сделала несколько глотков и, вернув стакан Филимонову, пристыжено пролепетала:

– Вы простите, что войдя в этот кабинет, я на вас сразу накинулась. Как-то нехорошо получилось, но постарайтесь правильно меня понять. Мой мальчик, серьёзно болен. Возвращаюсь домой и узнаю, что его в спешном порядке увезли в следственный отдел...

– Это вы меня простите, Маргарита Альбертовна! Моя оплошность, – повинился Валерий Яковлевич. – Конечно, сначала необходимо было поставить вас в известность...

– В другой раз, непременно так и сделайте! – демонстративно смахнув последние слезинки, сказала она. – У меня ведь, знаете ли, сердце не каменное. Иной раз, так заще-

мит...

– Но я же рассчитывал уладить все вопросы в течение нескольких минут. Кто же знал, что понадобится так много времени...

– Наверняка бы успели уложиться в короткий срок, будь он нормальным здоровым человеком...

– Ну, зачем же вы, столь категорично? – смутился Филимонов. – Я не считаю вашего Анатолия таковым...

– Ах, перестаньте. Я же не ребёнок, а совершенно взрослая, здравомыслящая женщина. Дурак, он и есть дурак! – не обращая внимания на моё присутствие, произнесла Маргарита.

Она тут же перекрестилась и тихо прошептала:

– Прости Господи, душу мою грешную...

Валерий Яковлевич по-прежнему смотрел на неё вождленным взглядом. Казалось, ещё минута и он будет готов броситься к её ногам и, целуя ручки, умолять о великом милосердии, с которым бы она могла отнестись к его трепетным чувствам, внезапно вспыхнувшим в его душе от неуёмной страсти.

– Прости Господи... – повторила Маргарита, продолжая изображать из себя святую мученицу.

Ещё раз перекрестившись, она вновь вынула из пачки тонкую дамскую сигарету и поспешно закурила.

– Вы зря его вызвали, – изрекла Маргарита, после пары глубоких затяжек. – Ни один суд не примет во внимание

и не станет рассматривать его показания.

– Я знаю, – огорчённо произнёс Валерий Яковлевич. – Но ваш Анатолий единственный свидетель. Я пытался хоть что-то выяснить с его помощью.

– Вам это удалось?

– К сожалению...

Он широко развёл руками.

– Его отец в своё время командовал полком. Это Владимир Семёнович настоял, чтобы Толик стал военным офицером и ради карьерного роста служил в горячих точках современной России, – подавленным голосом произнесла Маргарита. – Я была против такого решения. Но ведь вы понимаете, товарищ следователь...

Она вопросительно посмотрела на Филимонова.

– Валерий Яковлевич! – наконец-то представился хозяин кабинета.

Я мысленно пришёл к выводу, что он вновь приобрёл способность соображать.

– Так вот что хотела сказать, Валерий Яковлевич...

Маргарита умилённо взглянула на него.

– Со стороны может показаться, что я очень сильная и уверенная в себе дама. А ведь на самом деле, я всего лишь слабая незащищённая женщина! – поникшим голосом, пояснила она. – После того, как мой мальчик был тяжело ранен, его отец ушёл в отставку и занялся бизнесом. Как вы уже знаете, он недавно погиб в автомобильной катастрофе. Ах, если бы

не этот несчастный случай...

Я презрительно ухмыльнулся и неприязненно посмотрел на Маргариту. Филимонов мгновенно перехватил этот взгляд, но не придал ему особого значения.

– Я отлично вас понимаю, Маргарита Альбертовна, – сочувственно произнёс он. – Вам пришлось пережить столько горя... Столько выдержать...

– Нет! – возразила она. – Меня нельзя понять. Вы не знаете, что такое похоронить любимого мужа и остаться наедине с полумёртвым ребёнком.

Филимонов недоумённо взглянул на меня.

– Всё верно, Валерий Яковлевич, я имела в виду моего великовозрастного мальчика. И в тридцать, и в пятьдесят лет, ребёнок для любой матери остаётся маленьким беспомощным ребёнком...

Маргарита с горечью посмотрела в мою сторону, и тут же добавила:

– Если бы мой пасынок лишился рук или ног, он стал бы инвалидом, но это не помешало бы ему сохранить чувство человеческого достоинства. Потеряв всякую способность к адекватному мышлению, он практически лишился жизни.

– Но, позвольте... – попытался опровергнуть её высказывание Филимонов. – Я не могу с вами согласиться...

– Не обманывайте самого себя, Валерий Яковлевич! – глубоко вздохнув, произнесла Маргарита. – Вы прекрасно по-

нимаєте, что я абсолютно права. Любое, самое последнее ничтожество, может его безнаказанно обидеть...

– Мне кажется, вы весьма преуспевающая, состоятельная женщина. У вас наверняка есть возможность огородить Анатолия от недобрых людей и свести до минимума всякую угрожающую ему опасность.

– Когда-то мы жили в Германии, почти в самом центре Берлина. Некоторое время были в Нью-Йорке. Потом переехали в Эстонию, затем в Москву, а теперь прозябаем на Кольском полуострове, недалеко от Мурманска. Заметьте, даже не в областном городе, являющемся столицей Заполярья, а на его окраине...

Я еле сдержался, чтобы не рассмеяться. Хотелось бы мне посмотреть на того кретина, который не согласился бы обменять городскую квартиру на наш шикарный коттедж, входящий в товарищество «Кольский Берег». Он находился буквально в шести километрах от Мурманска, на правом берегу реки Кола в границах муниципального образования посёлка «Молочный». Правда, с этим посёлком, жителей наших коттеджей соединял всего лишь подвесной пешеходный мост. Рядом с участками коттеджей протекала река Кола. На расстоянии ста метров находилось озеро Окунёво. Для того, чтобы добраться к нам автомобильным транспортом, необходимо было воспользоваться муниципальной дорогой общего пользования, называемой Кильдинским шоссе. Во всяком случае, моему отцу, уже в то время, строи-

тельство этого коттеджа общей площадью двести пятьдесят квадратных метров обошлось свыше семи миллионов рублей. Зато, до сих пор, это был отличный двухэтажный коттедж с участком в семнадцать соток, чья первоначальная себестоимость непроизвольно возросла в несколько раз.

– Мне известно, где вы живёте, – сказал Филимонов.

Он явно не вник в смысл её абсурдного высказывания. Маргарита же наоборот, сразу поняла допущенную оплошность и поэтому поспешила сменить тему разговора.

– Пока я жива, Анатолий имеет средства к достойному существованию, – размеренно проговорила она. – Но если, не дай бог, со мной что-нибудь случится, то он останется совершенно один. Всё, что нажито его отцом, мгновенно исчезнет. Толик будет вынужден скитаться по задворкам и в поисках пропитания рыться в мусорных баках. Ему придётся спать на грязных чердаках и в заброшенных подвалах...

– Не стоит так драматизировать! – снисходительно произнёс Филимонов.

Я вновь ухмыльнулся, но по-прежнему не проронил ни единого слова. Маргарита затушила сигарету и положила её на край пепельницы.

– Может, ещё немного водички? – непосредственно обратившись к ней, вежливо поинтересовался Валерий Яковлевич.

– Нет, спасибо... – приподнимаясь, поблагодарила она. – Если у вас больше нет к Анатолию вопросов, то мы лучше

пойдём.

– Да, пожалуйста! – любезно ответил он. – Не смею вас больше задерживать...

Филимонов поспешно подал Маргарите руку и помог ей подняться с кресла.

– Я дам распоряжение дежурному офицеру, чтобы вас отвезли домой, – услужливо произнёс он. – Надеюсь, этим самым смогу хоть как-то компенсировать возникшие неудобства...

– Не нужно, – решительно отказалась Маргарита, преднамеренно окинув Валерия Яковлевича очаровательной улыбкой. – Внизу нас ожидает автомобиль с моим личным водителем. Видите ли, после гибели мужа я продолжаю заниматься его бизнесом...

– В таком случае, ещё раз прошу прощения, за то, что пришлось вас потревожить!

Валерий Яковлевич широко развёл руками. Мне было смешно наблюдать за тем, как он невольно разрывался между необходимостью попрощаться с Маргаритой и диким желанием задержать её в кабинете ещё на какое-то неопределённое время. Он явно был увлечён этой женщиной и, несомненно, испытывал к ней некоторые возвышенные чувства.

– Мой коллега, который первоначально вёл это запутанное дело, предупредил меня, что при всём желании не смогу добиться от Анатолия каких-либо существенных показаний, – не придумав ничего более существенного, продолжил

Филимонов.

– Ничего страшного. Надеюсь, с вашим жизненным и профессиональным опытом, вы постепенно во всём прекрасно разберётесь, – сказала Маргарита.

Она мило улыбнулась, но, уже выходя из кабинета, вновь остановилась и вопросительно посмотрела на Валерия Яковлевича.

– Это правда, что после совершённого преступления Григорий Васильев решил покинуть наш бранный мир? – как бы, между прочим, поинтересовалась Маргарита.

– Во всяком случае, это одна из версий...

– Ах, какой ужас! – воскликнула она. – Гриша служил вместе с моим Анатолием. Это ведь он вытащил моего мальчика из вражеского обстрела.

– Даже так? – искренне удивился Филимонов.

– А вы думаете, почему мой Толечка так сильно к нему привязался?

– Тогда вообще непонятно, как Григорий Леонидович мог совершить такое зверское преступление? – задумчиво произнёс Валерий Яковлевич.

– Эти военные, весьма своеобразные люди! – рассудительно ответила Маргарита. – Они рискуют жизнью ради спасения друг друга и тут же хладнокровно убивают беззащитных женщин и детей. Пролить кровь – их основная специальность. Они больше ничего делать не могут, да и не умеют...

– Пожалуй, вы правы? – согласился Филимонов.

Прежде чем выйти из кабинета, Маргарита ещё раз посмотрела на него лукавым взглядом и подарила ему обворожительную улыбку.

Глава 3

До тех пор, пока мы не оказались на окраине города и не выехали на Кильдинское шоссе, я не обмолвился с Маргаритой ни единым словом. Её личный водитель, поджарый, худощавый человек лет сорока, в чертах лица которого проступало что-то лопарское, заметив наше подавленное состояние, не решился нарушить невольно воцарившуюся тишину. Даже когда Маргарита, не доезжая до коттеджа буквально пары километров, велела ему остановить «джип», он всего лишь покорно кивнул головой, беспрекословно направил автомобиль на обочину дороги и плавно нажал на педаль тормоза.

– Мы с Анатолием немного пройдемся пешком, – выйдя из салона, сказала она повышенным тоном, не терпящим возражений.

Несмотря на её конкретные объяснения, водитель всё же не поспешил включить передачу и тронуться с места.

– Хочу после городского смрада подышать чистым свежим воздухом, – добавила Маргарита. Закроешь гараж и на сегодня можешь быть свободен.

Он вновь кивнул головой. Задавать лишние вопросы своей непосредственной хозяйке было не в его правилах. Что относительно меня, то зная её несносный характер, я сразу понял, что Маргарита находилась не то чтобы в плохом рас-

положении духа, а вообще была в бешенстве. Тот факт, что она вышла из автомобиля, не доезжая до пределов товарищества «Кольский Берег», был плохим предзнаменованием и не предвещал для меня ничего хорошего. Я подсознательно и безошибочно предположил, что мне предстояло выдержать не то чтобы всплеск, а целый поток её бурных эмоций. Однако я так же знал, что Маргарита не позволит себе уподобиться базарной торговке, не накинется на меня с кулаками и не начнёт верещать на всю округу. Надо отдать должное, что в любой критической ситуации, она умела владеть собой, и если ей было необходимо кого-то отчитать или поставить на место, то делала это, не прибегая к повышенному тону. Вероятно, она научилась такому приёму у моего отца, полковника Шаврова, который никогда и ни на кого не повышал голос, но при этом все его приказы выполнялись мгновенно и беспрекословно.

– Зачем лишний раз показывать собственную слабость? – неоднократно подмечал он. – Собака лает, ветер уносит! Нужно говорить негромко, но так, чтобы произнесённые тобою слова впились в сознание человека, лишили всякого стремления к противостоянию и вынудили его подчиниться твоей воле.

Именно по этой причине я был готов к предстоящему разговору и ничуть не удивился, когда оставшись наедине со мной и вдыхая полной грудью дурманящий запах чистого загородного воздуха, она сдержанно спросила:

– Ты не наплёл следователю ничего лишнего?

– Нет, – коротко ответил я.

– Тогда о чём задумался?

– О разном...

– Мне не понравилось, как ты зубоскалил у Филимонова в кабинете.

– Мало ли кому, что не нравится... – дерзко ответил я.

– Последнее время ты что-то ведёшь себя слишком развязно. Начинаешь хамить...

Было очевидно, что Маргарита с трудом пыталась скрыть вспыхнувший порыв гнева. Она сдерживала себя из последних сил, продолжая сохранять спокойствие, вероятно, всё ещё надеясь на свой непререкаемый авторитет, но в то же время её голос заметно дрогнул, словно что-то оборвалось у неё внутри. В произнесённых ею словах, явно прозвучал приступ отчаяния. Она не могла не понимать, что после гибели моего отца стремительно теряла надо мной всякую власть.

– Не забывай, что разговариваешь с умственно отсталым дебилом! – съязвил я.

Она непроизвольно встряхнула головой. пышные каштановые волосы тяжёлым водопадом рассыпались по её худеньким плечам.

– Я тебя подобным словом не обзывала! – словно оправдываясь, произнесла Маргарита.

Она неторопливо достала из пачки тонкую дамскую сига-

рету и так же неспешно прикурила. Разумеется, она сделала это специально, чтобы как следует собраться с мыслями. Наконец, после нескольких глубоких затяжек, она произнесла:

– Если я позволила себе некоторую вольность и назвала тебя дураком в присутствии Валерия Яковлевича, так стоит ли на меня обижаться? Ведь ты по собственной воле постоянно изображаешь из себя недоумка.

Услышав такое, я внутренне напрягся. Мне захотелось выдать ей что-нибудь обидное, но сделать это оказалось не так-то просто. Сказать в ответ, что она сама круглая дура, было бы довольно таки глупо и непростительно с моей стороны. Я не мог не признать тот факт, что Маргарита свободно владела как математическим, так и гуманитарным складом ума. У неё была отличная память и превосходное логическое мышление. К тому же, она была творческой натурой с неограниченной фантазией и великолепной интуицией. Назвать её «уродиной», было бы верхом моей тупости. Это бы лишь вызвало скептическую ухмылку, отразившуюся на её смазливом личике. Маргарита прекрасно знала себе цену и отлично следила как за внешним видом, так и за стройностью её грациозной фигурки.

– Ну, ты и политическая проститутка! – не придумав ничего более подходящего, изрёк я.

Маргарита изумлённо посмотрела на меня.

– Почему же именно политическая? – любопытствовала она, капризно надувая губки.

– Если тебя в этом изречении что-то не устраивает, тогда можешь считать себя самой, что ни на есть, обыкновенной проституткой! – пробурчал я.

Маргарита непонимающе уставилась на меня. Какое-то мгновение она находилась в растерянности, а затем в её красивых аквамариновых глазах вспыхнули искорки, одновременно отражающие как её возмущение, так и прирождённое лукавство. Я даже испугался, что она может вцепиться в моё лицо длинными острыми ноготками и на всякий случай отошёл на несколько шагов в сторону.

– Ты волен думать обо мне всё что угодно, но позволь сразу не согласиться, – иронично заметила Маргарита. – У тебя нет ни малейших оснований, оскорблять меня подобным образом!

Я небрежно махнул рукой. Соревноваться с ней в словоблудии, было так же бессмысленно как пытаться перепрыгнуть самого себя. Она же, в данной ситуации, не собиралась упускать шанс для выяснения сложившихся отношений.

– Будь добр ответить, по какому праву, ты мне грубишь? – потребовала Маргарита

В её голосе прозвучало обещание крупных неприятностей, ожидающих меня в самое ближайшее время.

– Мне нужны деньги! – напустив на себя как можно более воинственный вид и преднамеренно проигнорировав её вопрос, возбуждённо заявил я.

– У тебя достаточно денег! – строго сказала она. – Даже

более чем достаточно...

– Мы оба прекрасно знаем, по какой причине ты владеешь всем движимым и недвижимым имуществом моего отца, – теряя самообладание, возмущённо произнёс я. – В твоём распоряжении миллионы долларов, а я ограничен в рублёвом эквиваленте. Иной раз, даже не могу вспомнить, как выглядит пятисотенная купюра, не говоря уже о тысячной...

– В первую очередь, мой мальчик, не забывай, что я распоряжаюсь наследством своего законного супруга! – дерзко вставила она. – А во вторую...

Маргарита злорадно ухмыльнулась, дав волю взбудораженным эмоциям.

– Зачем тебе деньги? У тебя и так всё есть...

– Сколько раз тебе повторять? – почти выкрикнул я. – Не смей называть меня мальчиком! Я давно вырос из детского возраста. К тому же, младше тебя всего на какие-то несчастные пятнадцать лет.

– Судя по твоему умственному развитию, я бы этого не сказала, – съехидничала Маргарита.

Она бросила на асфальт тлеющий окурок и затушила его носком правой туфельки.

– Но ведь тебе отлично известно, что я не настолько глуп, как иногда прикидываюсь! У меня со здоровьем нет никаких проблем, да и с головой всё в порядке... – раздражённо вспылил я.

– Вот и продолжай прикидываться дальше! – укоризненно

посоветовала Маргарита.

Я резко остановился и, окинув её озлобленным взглядом, устрашающе прорычал:

– Если правильно понимаю, то мне абсолютно не на что рассчитывать?

– Ты правильно понимаешь, – подтвердила она.

Маргарита посмотрела на меня с непривычной для неё нежностью. Я сразу понял, что в её сознании появились какие-то недобрые мысли.

– Но это вовсе не означает, что я позволю тебе умереть с голоду, – с нескрываемым ехидством, добавила она.

– Твоя наглость не имеет границ! – произнёс я, нервно сжимая кулаки.

Маргарита наверняка обратила внимание на возрастающую угрозу, прозвучавшую в моём голосе, которую я не мог, да и не собирался скрывать. Однако она оставалась абсолютно спокойной. На её прекрасном личике не дрогнул ни один мускул. Более того, мне даже показалось, что её забавляла моя необузданная вспыльчивость.

– Мы здесь совершенно одни, – констатировал я, демонстративно оглядевшись по сторонам.

– Ну и что? – с откровенным равнодушием, любопытствовала Маргарита.

– Ты не боишься?

– А кого мне бояться? Диких волков здесь нет, да и белые медведи сюда не заходят. Местные бродячие собаки ме-

ня хорошо знают. Я постоянно их подкармливаю...

– Самое опасное и жестокое существо, которое обитает на нашей планете, это человек! – резонно подметил я.

Маргарита скептически ухмыльнулась.

– Ты что ли, самое опасное существо? – язвительно поинтересовалась она. – Не слишком ли много на себя берёшь?

Небрежным жестом руки, я отмёл оба её вопроса, посчитав их несущественными.

– Стоит тебе стать без вести пропавшей и до конца своих дней смогу купаться в богатстве и роскоши, – меланхолично произнёс я.

Вопреки моим ожиданиям, Маргарита громко рассмеялась.

– Нельзя же быть до такой степени беспечным и наивным, – укоризненно сказала она. – Если со мной что-нибудь случится, ты автоматически будешь первым подозреваемым в моём исчезновении и в самое ближайшее время угодишь за решётку.

– А может мне случайно повезёт? Пусть будет один шанс из тысячи...

– Даже не надейся! – вновь хмыкнула Маргарита.

Она невольно нахмурилась. Как бы там ни было, но наш разговор зашёл слишком далеко. Возник весьма щепетильный вопрос, непосредственно касающийся её жизни и смерти. К тому же, моя шутка слишком затянулась. Если, конечно, она вообще была шуткой и не имела под собой вполне

осознанную подоплёку.

– Но если следовать теории вероятности, и тебе на самом деле удастся уйти от правосудия, – логически рассудив, допустила Маргарита. – То кто же позволит тебе вступить в законные права наследства, с твоей-то справкой подтверждающей полную недееспособность?

Мне трудно было не согласиться с её аргументами. Естественно, Маргарита была права. Спонтанное преступление произвольно влекло за собой ряд всевозможных ошибок и оплошностей, благодаря которым, действительно появится возможность оказаться на скамье подсудимых. Но и при лучшем раскладе, я бы не смог воспользоваться миллионами моего отца, как ни в долларовом, так и не в рублёвом эквиваленте. Вопрос о моём благосостоянии был бы решён в самое ближайшее время на уровне представителей органов опеки и попечительства. К тому же, он наверняка был бы решён далеко не в мою пользу.

– Так что, мой милый, теперь ты не только не сможешь от меня избавиться, но и сделаешь всё от тебя зависящее, чтобы как в ближайшие, так и в последующие годы со мной ничего не случилось! – съязвила Маргарита.

Несмотря на природную женскую слабость, она смогла нанести мне сокрушительный удар. Но этого ей показалось мало. Вероятно, она решила меня окончательно добить, или, по крайней мере, хотя бы опустить ниже плинтуса, поэтому строго добавила:

– Деньги я тебе регулярно выдавала, да и впредь буду выдавать! – пообещала Маргарита, но тут же предупредила. – Когда и в какой сумме, позволь решать мне! А если начнёшь возмущаться, посажу на голодный паёк...

В её голосе не было и намёка на мягкость, лишь присутствовала непоколебимая решимость действовать напролом. Я невольно почувствовал, как по моему телу пробежали мурашки. От одной мысли о том, что теперь пожизненно придётся перед ней пресмыкаться, мне стало как-то не по себе. Так или иначе, но у меня не было иного выхода, и я решил пойти на шантаж. Только не нужно мне говорить, что каждый мужчина должен иметь чувство собственного достоинства! С удавкой на шее, не слишком-то тянет на философские размышления.

– Полагаю, нашему областному прокурору будет интересно узнать, почему мой отец вдруг не справился с рулевым управлением собственного автомобиля... – вкрадчиво подметил я.

– Мой мальчик! – спокойно, не теряя самообладания, произнесла Маргарита. – Не хочешь ли ты показать мне свои зубки?

– Они у меня хорошие от рождения, – ответил я. – К тому же, достаточно острые. Во всяком случае, можешь ничуть не сомневаться, что при необходимости, я смогу ими воспользоваться!

– Превосходно, – примирительно произнесла Маргари-

та. – Я подумаю над этим вопросом! А сейчас, будь добр, расскажи о своих тёмных мыслях.

– Я ни о чём не думаю. Тебе показалось.

– Не обманывай, Толик. Я вижу тебя насквозь.

– Не могу понять, зачем тебе понадобилась Гришкина дочка? – спросил я, не скрывая искреннего изумления.

– Может, я намерена её выгодно продать? – уклончиво сказала Маргарита. – Вместо нищенского существования среди постоянно пьяных родителей, у девочки появится возможность приобрести новую достойную жизнь.

– А если серьёзно? – настойчиво полюбопытствовал я.

– Но ведь ты лучше меня знаешь, что Мариночка не его, а твоя родная дочурка! – вкрадчиво произнесла Маргарита. – Напрасно Григорий позволял тебе слишком часто приходить к ним в гости. Он даже не догадывался, что при каждом удобном случае, ты склонял его жену к прелюбодеянию.

– Гришка мне доверял как самому себе! – пробурчал я. – К тому же, он верил Светлане...

– Опрометчиво предоставил возможность охранять козлу сочную капусту! – вновь съехидничала Маргарита.

Её пухленькие губки слегка шевельнулись, изображая лёгкий изгиб снисходительной улыбки, которая в любой момент могла перейти в злорадную ухмылку.

– Однако непонятно, каким образом, постоянно изображая придурка, тебе всё ж таки удавалось соблазнить его супругу? – с издёвкой в голосе, спросила она.

– Светка тоже была уверена, что я ничего не понимаю в женщинах. А когда сообразила, что ошиблась, уже была не в состоянии отказать себе в удовольствии испытать истинное наслаждение от настоящей страстной любви, – напыщенно, произнёс я.

– Мне кажется, ты непревзойдённый подлец! – укоризненно сказала Маргарита.

– Кто бы говорил? – отмахнулся я. – У меня перед глазами превосходный учитель.

– Ты меня имеешь в виду?

– А кого же ещё? – вопросом на вопрос ответил я, и тут же добавил: – Можешь не сомневаться, относительно подлости, у тебя нет достойных конкурентов.

– Не слишком ли негативное мнение на мой счёт?

– Какое есть! – грубо ответил я и сразу предупредил: – Не знаю, что ты замышляешь, насчёт Мариночки, но только учти, даже в том случае, если я действительно её биологический отец, она мне всё равно не нужна!

– Зато она нужна мне!

– Никак, собираешься её удочерить? – скептически, уточнил я.

– Тоже вариант! Почему бы и нет? – невозмутимо, ответила Маргарита.

Её аквамариновые глаза вспыхнули озорным блеском. Я так и не понял, шутит она или говорит совершенно серьёзно.

– Нам придётся потратить слишком много денег, чтобы

получить на эту малютку необходимые документы, – на всякий случай, подметил я.

– Уверяю тебя, мой милый мальчик, – холодно сказала Маргарита, – для того чтобы доказать твою невменяемость и спасти тебя от трибунала, нам с Владимиром Семёновичем, пришлось заплатить намного больше.

– У меня не было выбора. Нас окружили боевики... – начал оправдываться я.

– Случайно, это произошло не после того как ты, мой милый, собственноручно убил часового! – на одном выдохе заявила Маргарита.

Я даже почувствовал, как побледнел.

– Так вот, – отойдя в сторону от проезжей части дороги и медленно переступая по скошенной траве, продолжила Маргарита, – пока все считают Мариночку погибшим ребёнком, никто не помешает мне дать ей новое имя.

– Всё равно не пойму, зачем она тебе нужна? – любопытствовал я. – Ведь не собираешься же ты, в самом деле, её удочерить...

– Только не прикидывайся, будто не знаешь, что я не могу иметь детей, – огорчённо огрызнулась Маргарита. – Не за горами старость. В недалёком будущем, мне понадобится надёжный помощник.

– Скорее рак на горе свиснет, чем ты станешь дряхлой немощной старухой! – не без иронии в голосе, произнёс я.

– В любом случае, нельзя не думать о неизбежном буду-

щем! К тому же, после моей естественной смерти кто-то же должен будет принять на себя руководство нашей фирмой. Или ты хочешь, чтобы этим занялся абсолютно посторонний человек?

– Разве моя кандидатура не подходит для руководящей должности? – удивлённо спросил я. – Не забывай, что в моих жилах течёт кровь моего отца. У меня его гены...

– В данном случае, это ровным счётом ничего не меняет. Владимир Семёнович имел безупречную репутацию и в любом окружении пользовался должным уважением.

– Большие деньги, кого угодно заставят меня уважать!

– У твоего отца был авторитет честного добропорядочного человека.

– Можешь не сомневаться, со временем я буду точно таким же, как он. Легко быть добропорядочным, когда есть возможность пошелестеть денежными купюрами...

– Не обманывайся на этот счёт! Что относительно тебя, то не советую забывать одну немаловажную деталь...

– Какую?

– Если хоть один человек, который по той или иной причине, заинтересован упрятать тебя за решётку, выяснит, что ты вполне здоров, то тебе придётся отвечать не только за новые, но и за все прежние, совершённые тобой преступления. Причём, отвечать придётся по всей строгости закона.

– Ты в этом уверена?

– Насколько знаю, для военных предателей и изменников

Родиной, нет срока давности.

– Да, но...

– Никаких но! Если уж обгадился, то встань в стойло и не мычи! Всё будет именно так, как я захочу! И жить ты будешь строго по моим законам... – твёрдо заявила Маргарита.

– Ладно, не будем ссориться, нехотя уступил я. – Но ведь справедливости ради смею заметить, что если бы не твоя бредовая идея, то никогда не убил бы Светлану. Тем более, не лишил жизни лучшего друга...

– Они сами во всём виноваты! – с откровенным равнодушием, произнесла Маргарита. – Я по-хорошему просила продать мне их дочурку. Предлагала сто тысяч...

– Долларов?

– Причём здесь валюта? Этим алкашам и наших рублей предостаточно.

– Отказались взять деньги?

– Они вообще не восприняли меня всерьёз и посчитали сумасшедшей маразматичкой! Теперь пусть обижаются сами на себя...

– Как же они обидятся, если теперь оба мертвы? – съехидничал я.

На мгновение задумавшись, Маргарита, понизила голос до шёпота и осторожно спросила:

– Кстати, о том, что они мертвы... Ты не забыл, что Григорий левша?

– Нет, не забыл. Когда с размаху ударил Светлану по виску, то специально держал тяжёлую хрустальную вазу в левой руке.

– Ну, а с Гришкой у тебя были проблемы?

– Не было никаких проблем! – недовольно ответил я. – Сначала, в стельку пьяного, затащил в ванную комнату, набрал холодной воды, а затем приступил к выполнению основной части своего плана. В любом случае, он должен был умереть...

– Зачем тебе понадобилась именно холодная вода? Мог бы для закадычного дружка набрать тёплой...

– Чтобы в прокуратуре не возникло никаких сомнений насчет его продуманных действий. В холодной воде гораздо лучше затихает боль...

– Не боялся, что от подобной экзекуции, он мог произвольно прийти в сознание?

– Это было бы совсем некстати, и нарушило основной план моих действий. Но я не хуже тебя могу прогнозировать любые непредвиденные обстоятельства и поэтому заранее подготовил запасной вариант.

– Какой именно?

– Согласно которому, он должен был принять наиболее жуткую смерть.

– Если не секрет, что же такого ужасного ты мог сотворить?

Она озадаченно посмотрела на меня и почти полушёпо-

том пояснила:

– Мне просто очень любопытно...

– То же самое, что сделаю с тобой, если не перестанешь меня доставать глупыми вопросами! – взъелся я.

– Не кипятись! – повышенным тоном, произнесла Маргарита. – Хочу быть уверенной, что ты нигде не наследил.

– Можешь быть абсолютно спокойной! Знал что делал... – дерзко бросил я, отчётливо сознавая, что веду себя непозволительно грубо.

– Впрочем, я тоже умница! – оживлённо заявила она. – Это ведь я придумала, выкопать на Мурмашинском кладбище из свежей могилки младенца, и подложить в кроватку вместо Гришкиной дочери.

– Тебе всё равно придётся добавить денег на мои личные расходы. Не забывай! – настойчиво предупредил я. – Теперь будет сложно опровергнуть мою неувяемость, а мне ничего не стоит испортить твою дальнейшую жизнь.

Кривляясь и гримасничая, я ехидно ухмыльнулся, затем прибавил шагу и прошёл на несколько метров вперёд, продолжая бросать на неё косые взгляды, ни на секунду не выпуская из поля зрения. Маргарита, покачивая маленькой головкой, укоризненно посмотрела мне вслед. Она неторопливо открыла сумочку и, отыскав в ней тёмный флакончик с какой-то жидкостью, тихо прошептала:

– Конечно, дорогой! Я с тобой полностью согласна. Правда, ты кое о чём не знаешь, да и не мог знать. Твой никчём-

ный папаша всегда был вымогателем и постоянно меня терроризировал. Всё, что я сейчас имею, всё это нажито благодаря моим усилиям. Если бы не я, и не мои связи с нужными людьми, то твой отец никогда не стал бы полковником и точно так же, никогда бы не достиг успехов в бизнесе. Но ты прав в другом...

Я напряг слух, чтобы среди шороха листвы качающихся от ветра деревьев, разобрать каждое её слово.

– Разумеется, теперь было бы весьма глупо опровергать твою болезнь, – продолжая бормотать себе под нос, возбуждённо продолжила Маргарита. – Зато завтра утром, я легко смогу убедить Филимонова в том, что ты самовольно похозяйничал в моей аптечке...

– Что? Что ты сказала? – прикинувшись, будто не смог разобрать её приглушённую речь, ненавязчиво спросил я.

Маргарита вздрогнула, но тут же поубавила спесь. Она мгновенно постаралась скрыть охватившую её озлобленность и вновь доброжелательно улыбнулась.

– Я пытаюсь вспомнить любимую поговорку твоего отца, – мгновенно импровизируя, ответила она.

– Это не поговорка! – пробурчал я. – Он однажды прочитал роман английского писателя Джеймса Хендли Чейза и с тех пор регулярно повторял его название.

– По-моему, Владимир Семёнович никогда не читал художественную литературу. По крайней мере, я этого не припомню.

– Значит, ты недостаточно хорошо знала своего супруга! – укоризненно произнёс я.

– И что это был за роман?

– «Мёртвые не кусаются!»

– Всё правильно! – стараясь выглядеть весёлой, воскликнула Маргарита. – Как я могла забыть? Ведь он так часто произносил эти слова вслух...

Мне не понравился тон её голоса. Она явно решила от меня избавиться. В принципе, окажись на её месте, я бы, наверное, поступил точно так же.

«Ну что ж, – подумал я. – Посмотрим, кто из нас окажется на самом деле умнее и более расторопным?!»

На её умилённом личике до сих пор сияла вымученная улыбка. В совершенстве обладая психологической способностью быстрого и адекватного познания людей, Маргарита даже не заподозрила, что буквально секунду назад я вынес ей смертный приговор!

Глава 4

Переступив порог нашего коттеджа, я наотрез отказался выпить чашечку кофе, почти сразу закрылся в собственной комнате, врубил музыку и предался тягостным размышлениям. Я же не был на самом деле умалишённым человеком и поэтому отлично осознавал, что моя, так называемая мачеха, готовила мне роковой сюрприз. Она лишь не учла тот факт, что у меня с детства был обострённый слух, поэтому неопрометчиво открыла передо мной коварный замысел, зародившийся в её сознании и произнесённый в виде негромкого бормотания.

– Ну, что же, дорогая матушка! Предлагаю тебе сыграть со мной в кошки мышки, – воодушевлённо произнёс я. – Посмотрим, кто кого перехитрит?

Разумеется, я не мог просто так подойти к Маргарите и убить её, не рискуя тут же угодить либо за тюремную решётку одиночной камеры, либо в специальную психическую лечебницу для невменяемых и особо опасных преступников. Однако даже не это меня пугало и останавливало. Совершить преднамеренное убийство было несложно. Гораздо сложнее обеспечить себе безупречное алиби. Но даже и это ещё не являлось основной проблемой. Как ни обидно признавать, но Маргарита была абсолютно права, когда напомнила о том, что я официально признан недееспособным

гражданином. Так или иначе, но я на самом деле, ни при каких обстоятельствах не мог претендовать на законные права родительского наследства. По всем юридическим документам я, конечно, стал бы числиться баснословно богатым человеком, но при этом не имел никакой возможности самостоятельно распоряжаться ни единым рублём. Избавившись от Маргариты, я непроизвольно наносил вред самому себе. Даже при самом благоприятном исходе этого криминального преступления, мне в обязательном порядке будет назначен опекун, который станет решать за меня все мои служебные, финансовые и личные вопросы.

– Нет, Маргариточка! – возбуждённо произнёс я. – Не надейся, что тебе удастся легко от меня избавиться. Я не стану опрометчиво приближать день, как твоей, так и своей смерти. Ты наверняка мне ещё понадобишься. Лучше, к достижению намеченной цели, я пойду иным, боле надёжным и проверенным путём...

Разумеется, я ни на минуту не должен был расслабляться и тем самым позволить Маргарите добиться моего физического устранения. Как бы там ни было, я не имел ни малейшего желания, в самом расцвете лет, быть вынесенным из отцовского дома вперёд ногами. К тому же, я не имел привычки недооценивать противника и поэтому не сомневался, что она, в свою очередь, не хуже меня разобралась в сложившейся ситуации. Помимо возникшего плана по устранению моей неудобной личности, Маргарита наверняка была готова

в срочном порядке принять всевозможные меры предосторожности для обеспечения собственной безопасности.

«Может ли она действительно меня отравить?» – подумал я, и тут же согласился с тем, что для неё это не составило бы особого труда. Любой яд, которым она может воспользоваться, однозначно будет списан на мой счёт. Никто не станет предавать сомнению её показания, в которых Маргарита однозначно заявит, что я погиб либо по неосторожности, либо по причине слабоумия. Я даже мысленно представил, как она подойдёт к тому же следователю Филимонову и, не моргнув длинными ресничками, уверенно заявит:

– Вы же, Валерий Яковлевич, не хуже меня знаете, что совсем недавно погиб его лучший друг...

– Имеете в виду Григория Васильева? – возможно, уточнит Филимонов и тут же добавит: – Не делайте из него ангела! Не забывайте, что он безжалостно убил жену...

– Вот именно! – подтвердит Маргарита и тут же добавит: – Мой пасынок если не любил её в полном смысле этого слова, то испытывал к ней возвышенные нежные чувства. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на его психику и толкнуло на столь опрометчивый трагический поступок.

Маргарита непременно прослезится и лишь затем, дрожащим голосом произнесёт:

– Да мало ли ещё, какие несуразные мысли, могли прийти в голову моему несчастному мальчику...

Я не стал отмахиваться от подобных догадок как от на-

зойливых мух, а наоборот, воспринял их весьма серьёзно. Прежде чем окончательно объявить Маргарите войну, я должен был всё как следует продумать, взвесить и просчитать. Если Маргарита в любой момент имела возможность нанести мне сокрушительный удар, то в отличие от неё я находился в менее выгодном положении и ни в коем случае не мог позволить себе ничего подобного. Для начала мне было необходимо вернуть статус нормального здорового человека, способного адекватно смотреть на окружающий мир и верно оценивать происходящую действительность. Причём, сделать это нужно было таким образом, чтобы не пришлось отвечать перед военным трибуналом за ранее совершённое преступление.

– И всё ж таки мы сыграем с тобой в кошки мышки! – поклялся я. – Мне лишь придётся внести некоторые коррективы...

В первую очередь, я напрочь отрёкся от нахлынувших амбиций, руководимых чувством ненависти, благоразумно предпочитая следовать здравому смыслу.

– Думай, Анатолий! Думай... – постоянно говорил я себе. – Решение проблемы где-то рядом, и не исключено, что совсем близко. Необходимо лишь обратить на него внимание и своевременно воспользоваться благоприятной ситуацией. В нашей жизни нет ничего невозможного и нельзя забывать, что всё гениальное просто, а всё простое гениально...

Прежде чем прийти к какому-то оптимальному решению,

я сосредоточился на том неоспоримом факте, что на протяжении ряда лет Маргарита была не только моей мачехой, но и являлась законной супругой моего отца. Она точно так же как и я имела все юридические права на наследство. К тому же, я не мог не учитывать её крепкое физическое здоровье. Вряд ли она, ни с того ни с сего, могла погибнуть от воспаления лёгких или от прочих несуразных болезней. И вдруг меня осенило. В какой-то момент мне даже показалось, что я сунул пальцы в розетку, и меня ударило электрическим током.

«Зачем так поспешно планировать её смерть, когда будет гораздо благоразумнее склонить Маргариту на свою сторону... – внезапно подумал я. – А каким образом можно этого добиться? Да, конечно же, лишь одним, давно проверенным способом. Я должен, во что бы то ни стало, сделать её своей любовницей...»

Я отлично понимал, что если мне удастся овладеть Маргаритой, то и без отцовских миллионов, под её покровительством, я буду кататься как сыр в масле. Ухватившись за эту идею, я не стал откладывать её решение в долгий ящик. Маргарита в любой момент могла приступить к совершению своего коварного плана. Скрупулёзно сопоставив всё за и против, я решил действовать сразу и наверняка. Именно поэтому я не стал медлить и целенаправленно вошёл в её спальную комнату.

– Мышка, я твой котёночек... – стучало у меня в висках. –

Мышка, тебе крантеночек...

Я вошёл почти бесшумно, практически на цыпочках. Маргарита лежала в постели. В комнате было очень тепло и поэтому она прикрылась лишь лёгкой простынёй, из под которой вырисовывался её силуэт. Вынужден признать, она была идеально сложенной стройной женщиной. Не зря следователь Филимонов от изумления раскрыл рот, когда она вошла в его кабинет. Её красивые длинные локоны каштановых волос были рассыпаны по подушке. Она спала как невинный младенец, подложив ладони под щеку и свернувшись калачиком. Я невольно ею залюбовался. Привыкнув смотреть на Маргариту как на жену своего отца, я вообще перестал замечать в ней прекрасную, пусть и своенравную женщину. Пока я раздумывал, что мне предпринять, Маргарита неожиданно легла на спину и широко раскинула стройные соблазнительные ножки. Белая накрахмаленная простыня тут же непроизвольно натянулась и вплотную облегла её гибкое тело. Я заметил, что Маргарита была совершенно нагой. Сквозь тонкую материю этой простыни выпирали её плотные тугие груди. Пробежав вожделенным взглядом по её силуэту, я не мог не заметить внизу её животика тёмный выпирающий бугорок. Мне безумно захотелось сорвать эту простынь, которая не позволяла полностью насладиться красотой её точёной фигурки.

– Она будет моей, или сейчас, или никогда! – сказал я себе.

Поспешно скинув с себя халат и бросив его на паркет, я осторожно забрался к ней в постель. Как ни странно, Маргарита даже не шевельнулась, продолжая лежать всё в той же соблазнительной позе. В какой-то момент мне показалось, что она слегка приоткрыла реснички, но при этом не только не воспротивилась моему присутствию, но и продолжала прикидываться спящей. От неё исходил дурманящий аромат страстной женщины жаждущей любви и ласки. Она лежала рядом со мной, а я боялся не только прикоснуться к ней рукой, но даже постарался затаить собственное дыхание, хотя, учитывая моё возбуждение, сделать это оказалось совсем не просто. В какой-то момент я невольно вздрогнул. Маргарита повернулась на бок и сразу легла на животик. Простыня невольно сбилась в кучу, оголив её плотный зад. Я больше не мог сдерживать порыв любовной страсти и правой рукой нежно провёл по округлой интимной части её тела. Маргарита медленно развернулась. Мне показалось, что она специально не раскрывает глаза, чтобы реальная действительность стала продолжением её приятного сна. Я был уверен, что она не только ожидала, но и жаждала моего прикосновения к её оголённому телу.

– Я так долго тебя ждала, мой милый... – с нескрываемым кокетством, пролепетала она.

Вместо ответа я решительно скинул с неё простынь и протиснул свою голову промеж её стройных ножек. Маргарита машинально прикрыла руками заветный треугольник, об-

рамлѐнный густой растительностью, но я стал так страстно целовать её пальцы и те места, которые она была не в состоянии прикрыть ладонями рук, что Маргарита наконец-то сдалась и перестала сопротивляться моему упорному натиску. Она убрала ладони, предоставив свободный доступ к её вагине и даже сознательно раздвинула колени. Я понял, что для меня это было хорошим предзнаменованием. Я не стал зря терять время, и пока она находилась в прострации, воспользовался её минутной слабостью. Я прижался губами к её заветному бугорку, и мой язык беспрепятственно проник в недра её кудрявого кустарника. Маргарита тяжело задышала, потом начала стонать, судорожно вцепившись пальцами рук в мои волосы.

– Ещё хочу! Ещё... – в истоме повторяла она.

Продолжая губами и кончиком языка проникать в её влажную ложбинку, я протянул к её груди руки и, наконец-то прикоснувшись к её упругим соскам, начал их осторожно массировать, ощущая кончиками пальцев, как они стали мгновенно набухать. Посчитав, что я уже окончательно отбил желание Маргариты сопротивляться и, не позволив ей опомниться, я мгновенно развернул интимную часть собственного тела к её лицу. Усиленно засасывая её самое чувствительное место, я вдруг почувствовал, как к моей упругой части тела прикоснулись её тёплые мягкие губки. Затем я почувствовал, как она раскрыла ротик и с жадностью поглотила эту самую упругую плоть. Мы оба потеряли ощущение

ние пространства и времени.

– Ах, Стасик, какой же ты у меня шалунишка! – блаженно раскинувшись на постели, выговорила Маргарита.

Я не мог не догадаться, что находясь в моих объятиях, она мысленно принадлежала другому мужчине. Во всяком случае, это было не моё имя, но и в то же время не имя моего покойного отца. В крайнем случае, на правах законной супруги, она могла назвать его Володенькой или даже Вовчиком, но уж только никак не Станиславом. По вздрогнувшему телу Маргариты я понял, что она окончательно проснулась и наконец-то сообразила, что находится в собственной спальне, а не в гостях у романтического любовника. Она поспешно приняла сидячее положение, посмотрела с откровенным презрением и небрежно оттолкнула меня в сторону. Я, человек, который только что предоставил ей массу удовольствия, теперь был ей отвратителен, противен и неприятен одновременно.

– Ты что здесь делаешь? – спросила Маргарита, прикрыв простынёй разомлевшую наготу.

Теперь у меня не было иного выхода. Я должен был поспешно встать, накинуть на плечи халат и уйти, ожидая её неминуемого возмездия, или же, вопреки всему, был вынужден вновь попытаться довести её до наивысшей точки экстаза, сделав эту спесивую стройную вдову своей желанной любовницей.

– Ничего не говори! Пожалуйста, не надо... – попросил

я. — Ты даже не представляешь, до какой степени я тебя люблю! Если бы ты не спланировала убийство моего отца, то я бы сам нашёл способ как от него избавиться...

— Почему ты решил, что смерть Владимира Семёновича на моей совести? — спросила она, взглянув на меня смутившимся взглядом. — Судмедэксперты доказали, что это был несчастный случай...

Я не мог не видеть, явное раздвоение её личности. В стройном гибком теле Маргариты одновременно были скрыты две совершенно разные женщины. Одна мечтала схватить меня за волосы и разбить мою голову о железобетонную стену. Другая всё ещё была в плену блаженства и не желала отпускать мужчину, который был неуравновешен, напорист и неудержим в любовной страсти и в любовных ласках.

— Мне ещё никто и никогда не делал так хорошо, — робко призналась она. — Но это не повод, чтобы ты находился в моей постели...

Ещё несколько секунд и Маргарита могла бы окончательно прийти в себя. Она не только имела все основания выставить меня за дверь, но и могла вызвать полицию, справедливо обвиняя меня в изнасиловании. Если медицинская справка, подтверждающая мою невменяемость, могла освободить меня от тюремной камеры, то эта же справка не смогла бы противостоять желанию Маргариты, на долгое время, упрятать меня в сумасшедший дом. Именно поэтому я не позво-

лил ей окончательно собраться с мыслями и поспешно впился в её пухленькие губки своими губами. Сначала она вновь попыталась меня с силой оттолкнуть, потом как-то обмякла и, обняв за талию, начала страстно целовать моё лицо.

– Я хочу тебя! Я хочу быть твоей. Возьми меня, Толенька... – замурлыкала Маргарита.

Я специально не спешил удовлетворить её порочную страсть. Мне хотелось довести её до безумия. Я хотел, чтобы она лишилась всякой способности о чём-то думать, и не просто отдалась мне, а отдалась с необузданной страстью и при этом так, чтобы у неё самой появилось желание иметь меня ещё неограниченное количество раз.

– Люблю тебя! Люблю... – шептал я.

Лишь когда понял, что моё дальнейшее промедление начинает её раздражать, я положил Маргариту на живот, затем приподнял её бёдра и вошёл в неё с диким желанием племенного жеребца. Маргарита вначале вскрикнула, затем застонала и принялась пальцами сгребать простынь. Наконец мы оба застыли в изнеможении, ожидая выплеск моей страсти, выраженной потоком изливающейся тёплой живительной влаги, благодаря которой идёт продолжение всего человеческого рода. Маргарита словно застыла, затем ещё раз простонала, приняв влажную плоть моего тела как великолепный дар. Я отпустил её, но всё ещё продолжал гладить её соски. Потом я начал осторожно покусывать их зубами. Она слегка нагнулась, взяла с прикроватной тумбочки пачку тонких дам-

ских сигарет. Аккуратно вытащив одну, тут же щёлкнула зажигалкой и прикурила. После нескольких глубоких затяжек, она еле слышно произнесла:

– Анатолий! Почему я раньше не знала, что ты такой ловелас? Теперь я понимаю, почему Гришкина жена ему изменяла...

– Не стоит сейчас говорить об этом! – возразил я. – Сейчас я с тобой и все мои мысли только о тебе!

– Ты хочешь любить меня, как свою не совсем увядшую мачеху? – лукаво спросила Маргарита.

– Нет! Как мачеха ты мне не нужна, – возразил я. – К чему такие крайности? Я хочу любить тебя как самую желанную, прекрасную любовницу.

Я продолжал неотрывно смотреть на неё обворожительным взглядом. Кто бы мог подумать? Она была самым совершенством! Буквально несколько минут назад я был готов её придушить собственными руками как самую опасную ядовитую змею, а теперь я страстно её целовал и при этом получал огромное наслаждение. Вместо отвратительной ведьмы, которую я ненавидел с того самого момента как мой отец привёл её в наш дом, она внезапно стала для меня самой обворожительной, соблазнительной и в то же время роковой женщиной. Я надеялся, что она была точно такого же мнения обо мне, но всё-таки не терял благоразумия и относился к ней с прежней настороженностью. Она жаждала любви, хотела мужского тела, но её красивые аквамариновые глаза

до сих пор излучали непримиримый взгляд.

– И как давно ты спланировал забраться в мою постель? – полушёпотом произнесла Маргарита, прижимая мою голову к своей пышной груди.

– Именно из-за тебя, я возненавидел отца! – солгал я. – Всякий раз, когда он шёл с тобой рядом, мне безумно хотелось оттолкнуть его в сторону и нежно взять в свою руку твою мягкую тёплую ладонь...

Я лгал, не моргнув глазом.

Маргарита нервно облизнула приоткрытые губы, которые по-прежнему жаждали жаркого поцелуя. На её щеках появился лёгкий румянец, а дыхание стало учащённым и прерывистым. Я невольно ощутил нарастающее сексуальное влечение. Мой пульс заметно участился.

– Поцелуй меня! – внезапно потребовала Маргарита. – Я давно не имела мужчину, а ведь так хочется, чтобы тебя любили! Я сравнительно молодая цветущая женщина...

Я чуть не взболтнул, что она действительно лишь сравнительно молодая с признаками наступающей старости. Лишь тот факт, что она постоянно следила за фигурой, надёжно избавлял её от явных и видимых признаков появления целлюлита и излишнего ожирения. Однако у меня хватило благоразумия не высказать эти мысли вслух. Я уже был готов вновь заключить её в крепкие объятия, но в этот момент Маргарита сама обвила меня за шею и, опрокинув на постель, навалилась на меня всем телом.

– Лежи! – сказала она, приказным тоном.

Маргарита неожиданно поднялась и, встав с постели, обнажённой прошла по комнате и негромко включила лёгкую эстрадную музыку. Я с интересом наблюдал за ней, не догадываясь, что именно она собиралась делать. Маргарита вновь забралась в постель, но тут же поднялась во весь рост и принялась прямо надо мной танцевать ламбаду. Она красиво водила бёдрами у меня перед глазами. Словно призрачное видение, она, то манила меня к себе, опускаясь на полусогнутых ножках, то вновь отдалялась, получая истинное наслаждение от моего вынужденного воздержания. Неожиданно для меня, Маргарита сильно согнула колени, развела в стороны ножки и прикоснулась к моим губам своим влажным бугорком. Она раскрыла передо мной свой заветный цветок и позволила испробовать его нектар. Я непроизвольно начал пробиваться кончиком языка в лоно её распутившегося бутона. Когда я уже был полностью подчинён её воле, Маргарита поспешно легла рядом со мной, затем велела взять её в самом извращённом виде, что я и сделал с превеликим удовольствием. Когда находясь в приятном изнеможении, я лежал, распластав на простыне руки и ноги, Маргарита лукаво посмотрела на меня, затем затворнически произнесла:

– Лежи и не сопротивляйся! Ничего не бойся...

Её слова меня заинтриговали. Я не мог понять, что она собиралась сделать, и почему я не должен был чего-то бояться. Она тем временем заглянула в верхнюю полку прикроватной

тумбочки и поспешно вынула оттуда коробочку с импортными лезвиями. Мне даже стало как-то не по себе. Я не знал, что она замышляла, но понадеялся на своё физическое превосходство. Когда Маргарита поднесла одно из лезвий к моей руке. Я почему-то подумал, что она намерена поступить со мной точно так же, как я поступил с бывшим другом Григорием Васильевым.

– Не бойся! – повторила Маргарита. – Доверься мне. Если я надумаю тебя уничтожить, то сделаю это не столь примитивным способом...

Я всё равно боялся расслабиться и внимательно следил за её дальнейшими действиями. Я не переставал глядеть на неё с опаской. Она осторожно сделала неглубокий надрез и когда на моём запястье появилась тонкая полоска алой крови, Маргарита поднесла мою руку к своим пухленьким губам. Не скажу, чтобы подобного рода вампиризм мог меня хоть как-то возбудить. Даже более того, это было мне неприятно. Но Маргарита видимо испытывала от привкуса моей крови неведомое удовольствие.

– Теперь ты не только мой любовник, но и мой мужчина по крови... – усмехнувшись, сказала она. – Если ты мне когда-нибудь изменишь, я об этом сразу узнаю и убью тебя!

Она произнесла последние слова без тени лукавства, и я не сомневался, что Маргарита не шутила. В её изменившемся голосе было что-то недоступное для моего ума и в тот же момент чересчур зловещее. Я не понял смысл её необычного

ритуала, но моё физическое влечение к ней явно поухло, а вскоре и совершенно пропало. Меня больше не привлекала соблазнительная нагота её стройного обнажённого тела. Я машинально поцеловал её в губы, накинул на плечи халат и молча вышел из её спальни. Вернувшись в собственную комнату, я впервые закрыл дверь на защёлку. Я не мог себе объяснить, что со мной происходило. Мной овладело тягостное чувство страха. Я забрался под тонкое байковое одеяло и до тех пор, пока не заснул, с робостью смотрел не столько на свою руку, как на тонкую полоску моей запёкшейся крови.

Глава 5

Всю последующую неделю, проживая с Маргаритой в одном и том же коттедже, мы практически не встречались с ней ни утром, ни днём и ни вечером. Возможно, она выходила из дома слишком рано, а возвращалась чересчур поздно. Зато каждая ночь была нашей и всецело принадлежала нам. Она никогда не закрывалась на защёлку, благодаря чему, я беспрепятственно и без всяких затруднений проникал в её спальную комнату. Обычно, перед тем как лечь в постель, она задёргивала окна тёмными гобеленовыми шторами, оставляя лишь свет в аквариуме, в котором плавали красивые экзотические рыбки, непроизвольно создающие приятную интимную обстановку. Маргарита всегда ложилась в кровать обнажённой. Она лишь слегка прикрывалась лёгкой простынёй и терпеливо проводила время в ожидании моего появления. Нет, сама она никогда не предпринимала никаких действий ради того, чтобы я приблизился к ней и гораздо раньше обычного приступил к любовным играм. Она просто лежала в постели и терпеливо ждала. Когда я наконец-то входил в её апартаменты, то мы даже не здоровались. Я молча скидывал халат и ложился рядом с ней. Моей основной задачей было не проводить светские беседы, а как можно скорее лишить её всякой возможности управлять разумом. Я должен был сделать всё возможное и невозможное

ради того, чтобы Маргарита была охвачена сладострастным и беспощадным желанием не только обладать мною как мужчиной, но и самой отдаться мне с неуёмной страстью, сгорая дотла в разбушевавшемся пламени безумной любви. Как ни странно, но мы оба были достойны друг друга, и наш обоюдный опыт в подобных шалостях доводил нас до чувственного экстаза. Кульминацией наших отношений, как правило, был тот момент, когда я наконец-то добирался до её главного сокровища, словно долго искал и находил её распутившийся бутон таинственного цветка желаний, и вынуждал её вместе со мной окунуться в бездну неимоверного наслаждения. Потом я нежно целовал её в щёчку, накидывал на плечи халат, немногословно желал ей спокойной ночи и уходил в свою комнату, чтобы закрыться на защёлку и, будучи удовлетворённым, блаженно развалиться на собственной постели.

«И как долго это может продолжаться? зачастую задавал я себе подобный вопрос, отлично осознавая, что рано или поздно, всему хорошему наступает конец.

Постоянные бессонные ночи давали о себе знать. Я был изнеможён, моё тело отказывалось подчиняться велению разума, потому что мой ленивый рассудок совершенно не был настроен на подключение основных извилин моего мозга.

– Пусть всё идёт своим чередом! – твёрдо решил я. – Чему быть, того не миновать...

Мои предположения вскоре подтвердились. В эту ночь всё произошло иначе. Вернее было иным завершение на-

шей интимной встречи. Я по обыкновению поднялся с постели и уже был готов накинуть халат, как внезапно услышал за спиной её нежный бархатистый голос:

– Не спеши, Анатолий! Мне необходимо с тобой серьёзно поговорить... – заявила Маргарита. – Мы должны, как следует выяснить сложившиеся между нами отношения и кое-что обсудить.

Я машинально взглянул на верхний ящик её прикроватной тумбочки. Заметив, что Маргарита не собирается доставать от-туда ни один из острых предметов, чтобы вновь заняться вампиризмом, я немного успокоился и даже, в некоторой степени позволил себе расслабиться.

– Внимательно тебя слушаю, – заинтересованно сказал я, присаживаясь на край её постели.

– Можешь накинуть халат. Разговор будет долгим, – предупредила она.

Маргарита, закутавшись в простыню, подкатила к постели раскладной столик с заранее приготовленными фруктами. Посередине этого столика стояла ваза со льдом, в которой охлаждалось шампанское. Рядом с этой вазой стоял фирменный французский коньяк. Разумеется, среди всевозможных деликатесов лежала плитка шоколада и красочная упаковка с трюфелями. Одним словом, она подготовилась к предстоящему разговору, гораздо серьёзнее, чем я мог предположить. Вполне естественно, что меня разбирало любопытство, но тем ни менее, я не произнёс ни единого слова, тер-

пеливо ожидая её дальнейших действий.

– Если не трудно, открой, пожалуйста, спиртное... – неестественно доброжелательным голосом, произнесла Маргарита. – Мне налей фужер шампанского, а себе рюмочку коньяку.

Я не заставил её повторять дважды одно и то же. Я выпил рюмку коньяку, она слегка пригубила шампанское. Затянувшаяся пауза нас обоих ставила в затруднительное положение.

– Внимательно тебя слушаю, – сказал я, глядя в её широко раскрытые аквамариновые глаза.

– Ты сам должен понимать, что так больше продолжаться не может, – задумчиво ответила Маргарита. – Мы должны расставить по местам все точки...

– Не имею ничего против этого, – согласился я. – Мне бы тоже хотелось кое-что выяснить. Самому изрядно надоела эта угнетающая неопределённость...

Маргарита вновь пригубила шампанское, я же наполнил себе вторую стопку коньяку, но предусмотрительно отставил её в сторону. Нет, я не опасался, что Маргарита сию минуту меня отравит. Это было бы неблагоразумно и слишком банально с её стороны. Просто я предпочёл во время нашего разговора иметь возможность трезво оценить сложившуюся обстановку и в крайнем случае мог адекватно отреагировать на абсолютно любую непредвиденную ситуацию. Наша интимная близость, никоим образом не позволяла мне расслаб-

ляться. Я отлично знал, что в любой момент она всё ж таки могла нанести мне смертельный сокрушительный удар. Любвиобильная ночь, фрукты, шампанское и дорогой коньяк, всё это было неспроста.

– О чём же ты хочешь со мной поговорить? – скорее из-за вежливости, чем ради удовлетворения любопытства, осведомился я.

– Ты впрямь подозреваешь, что мой муж, а твой отец полковник Шавров, погиб не без моего участия? – напрямую спросила она.

– Знаю, что до того момента, как я впервые осмелился войти в твою спальную комнату, у тебя был любовник, – как бы, между прочим, сказал я. – Не исключаю, что ты до сих пор продолжаешь с ним встречаться.

– Что за глупости? – вспыхнула Маргарита. – Несусветная чушь...

– Я не знаком с ним лично, но мне известно, что это некий Станислав...

Маргарита заметно побледнела, но тут же справилась со своими взбудораженными эмоциями.

– У меня никого нет, и никогда не было, кроме твоего отца и тебя. Пока был жив мой муж, Владимир Семёнович, я никогда ему не изменяла. Это может показаться нелепым и кощунственным, но ты всецело заменил мне его. Я не могла и предположить, что ты можешь быть таким...

Она преднамеренно прервала свою речь. Вероятно, кори-

ла себя за излишнюю откровенность, осознав, что ей не следовало всё это говорить.

– Настойчивым? – любопытствовал я, ради того, чтобы рассеять её задумчивость.

– Ты о чём? – не поняла она.

– Ты не могла и предположить, что я могу быть таким настойчивым... – наиболее подробно, повторил я.

– Можно и так сказать, – уклончиво произнесла Маргарита.

– Нахальным и совершенно обезбашенным? – продолжил допытываться я.

– Причём здесь подобные грубые эпитеты? Вообще-то я имела в виду другое...

– Что именно?

– Я не ожидала, что ты можешь быть таким чутким и нежным...

Она явно пыталась сбить меня с толку, но я решил остаться непреклонным.

– Не понимаю, ради чего ты затеяла весь этот разговор? – строго спросил я. – Согласен, что мой отец был слишком дерзок и зачастую не справедлив по отношению к тебе, но в любом случае, он не заслуживал смерти!

– Ты хочешь узнать правду?

Вместо ответа, я многозначительно пожал плечами.

– Однажды я совершила роковую ошибку, – призналась Маргарита. – Твой родной отец, а мой законный супруг, в тот

злополучный день меня очень сильно обидел. Ради того, чтобы хоть немного успокоиться, я вышла прогуляться по городу...

– Здесь, в Молочном? – уточнил я.

– Молочное, это посёлок городского типа, но всё-таки не город, если ты не забыл... – вспыхнула она. – Я имею в виду даже не город Колу! Я была в столице Заполярья. Гуляла в центре Мурманска...

– На площади «Пять углов»? – вновь уточнил я. – Возле гостиницы «Арктика», самого высотного здания на всём Кольском полуострове?

– Я зашла в парк, который расположен между этой гостиницей и памятником...

Маргарита на секунду задумалась.

– Сергею Мироновичу Кирову, – машинально подсказал я. – Выдающемуся деятелю Коммунистической партии и Советского государства. Его настоящая фамилия: Костриков, а Миронов, это всего лишь партийный псевдоним...

– Такие подробности мне неизвестны, – с явным равнодушием, отмахнулась Маргарита. – За этим памятником стоит Дворец культуры, названный в его честь...

– В юном возрасте, мы с дворовыми пацанами, бегали туда смотреть художественные фильмы...

Я не успел договорить, потому что Маргарита резко прервала мою высокопарную речь.

– Ты будешь меня слушать или начнёшь впадать в далёкие

воспоминания? – возмущившись, спросила она.

– Извини! Немного отвлёкся... – пристыженно, пробормотал я. – Теперь понял, о каком парке ты говоришь...

– Ну, так вот... – продолжила Маргарита. – Я вошла туда, чтобы немного успокоиться и перекурить. По моим щекам тонкими струйками стекали горькие слёзы...

Я не сомневался, что ей необходимо было выговориться. Возможно, именно поэтому она так искренне разоткровенничалась, надеясь найти во мне добросовестного слушателя.

– Он незаметно подошёл ко мне и подал красивую пышную розу, – глубоко вздохнув, сказала Маргарита.

– Ещё раз извини за то, что тебя грубо перебиваю, но мне непонятно о ком именно идёт речь? – сконфуженно полюбопытствовал я. – Кто к тебе подошёл? Мой отец...

– Пытаюсь рассказать тебе о том мужчине, который в моей жизни сыграл роковую роль...

Я заметил, что эти слова дались ей с трудом. Вероятно, она всё ещё окончательно не решила, стоит ли вообще изливать передо мной свою душу.

– Он подошёл к тебе и подал красивую пышную розу... – как бы невзначай, процитировал я, её же изречение.

К моему удовлетворению, она не заострила особого внимания на моей прирождённой бестактности. Возможно, Маргарита сразу простила мне эту вольность, либо посчитала мои уточнения вполне обоснованными, и поэтому продолжила собственную исповедь:

– Разве мы знакомы? – спросила я.

– Нет, не знакомы, – приятно улыбнувшись, ответил он, и тут же добавил: – Я не мог пройти мимо такой привлекательной женщины. Тем более, я не мог этого сделать, когда заметил, что на ваших прекрасных глазках блестят бусинки слезинок.

– Это был Стас? – вновь бестактно поинтересовался я.

– Во всяком случае, он мне именно так и представился, – ответила Маргарита с холодным безразличием, которое только смогла изобразить. – Ещё он сказал, что является успешным бизнесменом. Приехал из Таджикистана, чтобы закупить партию свежей рыбы, но теперь понял, что совершил серьёзную ошибку. Возможная прибыль никоим образом не окупала его затраты. Ему пришлось отказаться от этого вида деятельности.

Маргарита глубоко вздохнула и еле слышно произнесла:

– О...о...о боже! Если бы я знала тогда, что ему совершенно нельзя верить.

Её аквамариновые глаза распахнулись во всю ширь.

– Этот подлец, оказался альфонсом? – предугадав ход её мыслей, подытожил я.

– Да! – еле слышно прошептала она. – Но ведь тогда я этого не знала. Я была очень сильно расстроена, а он был таким внимательным нежным и отзывчивым...

– Да ещё подарил пышную розу, – цинично подметил я.

– И это тоже... – глубокомысленно пробормотала Марга-

рита. – Твой отец никогда не дарил мне цветы...

– Знаю! – сухо ответил я, и сразу подчеркнул: – Он всегда считал, что покупая эти прекрасные создания природы, произвольно способствует обогащению спекулянтов.

– Я до сих пор отказываюсь верить, что в тот раз неправильно интерпретировала своё поведение. Напрасно с ним заговорила и тем боле зря была слишком доверчивой и слабохарактерной.

Маргарита, вновь пригубила шампанское.

– Он пригласил меня в гостиницу «Арктика», желая угостить стаканчиком хорошего дорогого вина. А главное затем, чтобы я посмотрела его финансовые документы и за отдельное вознаграждение подсказала наилучший вариант в продвижении его коммерческой деятельности.

– И ты необдуманно согласилась? – напрямую спросил я.

Прежде чем ответить, Маргарита допила шампанское, оставшееся в её фужере. Затем судорожно втянула носиком воздух и отрешённо произнесла:

– Я не могла и предположить, что он способен на такое...

– Он тебя изнасиловал? – догадался я, следуя цепи логических рассуждений.

Её ответ был заведомо предсказуем.

– Причём в самом извращённом виде, – понуро призналась она.

Я выпил вторую рюмку коньяку и на этот раз закусил кусочком шоколада.

– У тебя даже не хватит фантазии, представить, что он со мной сделал... – сразу после непродолжительной паузы, начала Маргарита.

Я не позволил договорить и остановил её резким взмахом руки.

– Мне не нужны такие нелицеприятные подробности! – высокопарно заявил я. – Знать о таких вещах, мне совершенно не обязательно. Даже не пойму, для чего ты мне всё это рассказываешь?

– Ты никогда не сможешь понять слабую беззащитную женщину, над которой грубо надругались! – гневно воскликнула она.

Я с тяжёлым вздохом протянул к ней руку и лёгким прикосновением тёплой ладони нежно погладил по плечу.

– Не переживай! – авторитетно заявил я. – В жизни бывают и гораздо худшие ситуации...

– Хуже не бывает! – отмахнулась она. – Подобного позора и бесчестия я не переносила ни разу в жизни! Надеюсь, такое со мной больше никогда не повторится...

– Никогда не говори «никогда»! – нравоучительно выпалил я, и тут же грубо пошутил: – В следующий раз, если будет происходить что-то похожее, а ты поймёшь, что не в состоянии оказать достойное сопротивление насильнику, то расслабься и получи хоть какое-то наслаждение!

Столь невежественный неприкрытый цинизм покоробил Маргариту.

– Иногда смотрю на тебя и невольно убеждаюсь, что справка о твоём слабоумии выдана тебе на законных основаниях, – взъелась она. – Хотела поговорить с тобой как с человеком, а ты относишься ко мне словно бесчувственная скотина!

– Прости! – поспешно сказал я. – Не хотел тебя обидеть. Моя шутка действительно оказалась весьма глупой и неуместной.

Маргарита смахнула с глаз навернувшиеся слёзы и обиженно произнесла:

– Ладно, забудем об этом...

Я почувствовал себя неловко, и ещё раз попросив прощения, пообещал, что впредь буду более осторожен в высказывании. Когда мы с Маргаритой вновь немного выпили, я нежно поцеловал её в губы и при этом не забыл подметить, что она самая красивая, желанная и безумно сексуальная женщина. Она обхватила меня за шею. Простыня, прикрывающая её наготу, медленно сползла с её худеньких покатых плеч. Я не мог не подарить ей несколько минут неуёмной страсти. В этот раз, я поимел её без всяких непристойных мыслей. Более того, отлично зная о том, что буквально все женщины любят ушами, неоднократно признавался ей в чистой и преданной любви. Разумеется, я бессовестно лгал, но, на мой взгляд, это была святая ложь. Потом мы долго лежали, вплотную прижавшись друг к другу. Иногда приподнимались ради того, чтобы выпить немного спиртных напитков

и закусить конфетами или нарезанными кусочками ананаса.

– Я ведь тоже люблю тебя! – неожиданно призналась Маргарита. – Люблю давно и безумно сильно! Я любила тебя ещё в то время, когда был жив Владимир Семёнович. Он лежал рядом со мной в нашей постели, а я думала и мечтала только о тебе.

– Даже так? – изумился я, не слишком-то доверяя её словам.

Маргарита никогда и ничего не делала необдуманно и без личной заинтересованности. Поэтому я постоянно ожидал с её стороны какой-то существенный подвох. И как впоследствии оказалось, совершенно не напрасно!

– Давай ещё немного выпьем! – предложила она. – Ничего, что задерживаю тебя дольше обычного?

– Разве я куда-то опаздываю? – простодушно, ответил я.

Маргарита потянулась за фужером и при этом оголила не только спину. Я понял, что она сделала это нарочно. Ей во что бы то ни стало, нужно было ослабить мою бдительность.

– А ведь я так и не рассказала тебе свою печальную поучительную историю, – как бы невзначай, но явно с определённой целью сказала она, подавая мне в постель очередную рюмку коньяку. – Искренне жаль, что ты так и не захотел меня выслушать...

Маргарита вновь тяжело вздохнула и укоризненно добавила:

– Между прочим, эта история имеет непосредственное отношение к гибели твоего отца...

Я невольно насторожился.

– Да... да, мой милый! Если бы не тот роковой случай, то Владимир Семёнович до сих пор пребывал бы в полном здравии...

– Вот с этого места, пожалуйста, подробнее... – попросил я.

Маргарита опять закуталась в простыню, а я накинул на себя халат. В этот раз она вместе со мной выпила рюмочку коньяку, что указывало на её чрезмерную взволнованность. Наконец она собралась с мыслями и тихо произнесла:

– После того, как этот негодяй меня изнасиловал, он потребовал, чтобы я оплатила счёт за его проживание в самой престижной гостинице города.

– И ты дала ему деньги? – несдержанно спросил я.

– Он не только меня насиловал, но при этом ещё вынудил говорить нежные ласковые слова и признаваться ему в любви.

– Ты не догадывалась, зачем ему всё это было нужно?

– В какой-то момент, я подумала, что он больной извращенец. Но на самом деле всё оказалось гораздо хуже...

– Он был очень продуманным, хитрым и жестоким человеком, – забегая далеко вперёд, подытожил я.

– Ты как всегда прав! – призналась Маргарита. – Я была вынуждена делать всякие непристойные вещи...

– А он, тем временем, снимал тебя на скрытую видеокамеру...

– Вот именно!

Маргарита пристыженно опустила глаза.

– Прежде чем выпустить меня из гостиничного номера, он продемонстрировал некоторые эпизоды...

– Вряд ли бы моему отцу это понравилось? – досадливо произнёс я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.